рактеристикой времени. Горький дым сгоревших надежд, несбывшихся ожиданий заволакивает мир: «и всюду дым, повсюду горький дым».

…Стихотворения Валерия Чубара 2008-2020 годов объединены в раздел «Одинокое слово». Это самый полифоничный их всех разделов книги, в нём представлен весь спектр, весь диапазон тем, мотивов, интонаций, поэтических возможностей Валерия Чубара. Свободнее, естественней, в чём-то – проще, непосредственней, но при этом глубже и точнее становится его слово. Это зрелость – человеческая и творческая, это обретение и осмысление своего места в мире, упрочение своего понимания жизненных ценностей. Это не покой (покой для Чубара ассоциируется с окаменелостью, мертвенностью, неслучайно раздел открывается стихотворением «Вовек покоя не просили...» – о России, о нашей общей доле), а принятие своей судьбы, всей сложности жизни. Это обретение гармонии и мира в душе, которые даются большим трудом, опытом, испытаниями.

Чувство тихой радости, благоговения перед жизнью, окрашенное грустью от осознания скоротечности времени, смертности – своей и всего живущего, – отличает такие стихотворения, как «Герр Питер, здравствуй! Вот и снова я...», «Мы в лес вошли, как входят в заведенье...», «Лебеди». Мотив смерти, сквозной для лирики Валерия Чубара, здесь, в стихах «Одинокого слова», звучит без юношеского надрыва его ранних стихотворений. Неизбежность смерти помогает осознать и с особой остротой ощутить драгоценность каждого мгновения жизни и родства со всем и вся. Восхищение невыразимой красотой мира и ощущение хрупкости жизни подкреплены верой в бессмертие этой нетленной красоты. Увидев, как «сильными крылами в небеса себя возносят птицы», лирический герой заключает:

Я умру, наверное, счастливым:
помню я, как лебеди летели.
Если наши души так красивы,
стоит ли печалиться о теле?

Но в стихах Валерия Чубара, написанных в наши дни, встречаются и иные интонации: гневные, резкие, негодующие. Они звучат в стихотворениях «То фарисей, то хулиган...», «Как в катакомбы, в прошлое уходят...», «Дикари», «Поколение», «Жалобы», ставших реакцией на фальшь, ложь, социальную несправедливость, царящие в стране. Среди этих произведений наибольшую известность получило стихотворение «Ветер». Это стихи протеста, вызванные диким решением властей устроить на землях Архангельской области полигон для мусора из Москвы. Энергия сопротивления, неприятия такого отношения к северянам так велика, что поэт не сомневается: считать себя быдлом люди не позволят: «ветер дунет, / Урал колебля, / и страхи – втуне»; ни себя, ни Архангелогородчину, ни Россию северяне не уступят, не споткнутся, не сопьются и убить себя не дадут:

За нами ветер
встаёт стеною,
за нами – дети,
за нами воет
сигнал воздушной
тревоги, братья.
Всё ведать душам.
Всё испытать им.
Тот, кто не станет
тягаться с ложью,
тьму оправданий
придумать может.
Но надо, надо
собраться с силой:
лишь там, где правда –
лишь там Россия!

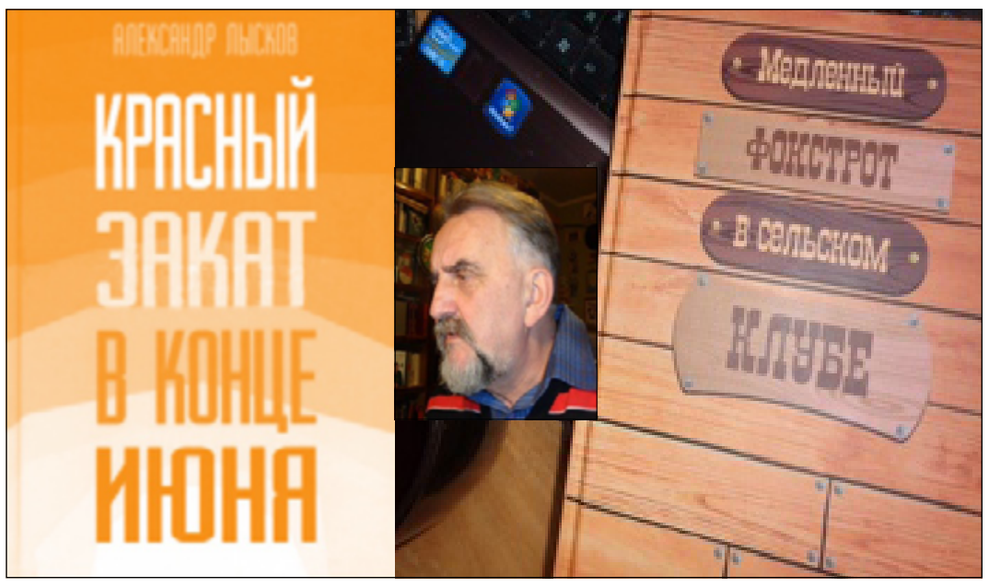
Это стихотворение, которое Валерий Чубар не только опубликовал, но и читал на митингах, как и его поездка на Шиес и написанный по впечатлениям от этой поездки большой очерк, стали проявлением гражданского мужества, поступками в высшей степени достойными. Они продиктованы истинной и по-настоящему сильной любовью к Родине, не имеющей ничего общего с лозунговым патриотизмом конъюнктурщиков.

Впервые появляются у Чубара и остро сатирические стихи. В его «Креативных частушках» открывается ещё одна грань его литературного дарования. Впрочем, для романтика сатира органична, поскольку вызвана болью от поругания идеалов, гневом от столкновения с торжеством зла.

Одинокое слово Валерия Чубара не одиноко. Его слышат читатели, его ценят, ему верят.

г.Архангельск

(Полная версия – на сайте)



Михаил ПОПОВ Вольная птица

Творческий алгоритм Александра Лыскова

«Обласканный выжившим на войне папой, Клочев нёс в себе ленивую радость бытия» – так характеризует своего персонажа, главного героя повести «Вольная птица», прозаик Александр Лысков. Персонаж этот, в известной степени прототип автора, содержит в себе характерные черты поколения. Рождённому в тиши, в послевоенных росах, ему, этому поколению, хочется, по словам автора, *«с удочкой... посидеть, в бороде почесать»*. Что отпираться – обломовская созерцательность вообще присуща русскому человеку. И наше с Александром поколение тут не исключение. Однако это справедливо только отчасти, по крайней мере – к самому Александру. Лысков – натура деятельная (Штольц не Штольц, но не сибарит), он из породы тех русских землепроходцев, которые широким шагом меряют земной шар, оставляя позади срубы, гати, пристани и трассы ЛЭП... При том, что нынешняя профессия его внешне тихая.

Начальный житейский этап Александра – учёба в АЛТИ (лесотехническом институте), а затем инженерная работа, – наверное, дань уважения отцу, стороннику основательности. Но ещё там, в юности, начался неодолимый прорыв к словесности, обусловленный уже не наставлениями, а скорее генами родителей, отца Павла Георгиевича, журналиста и прозаика, и матери Калисты Васильевны, учительницы. Сначала тексты песен для самодеятельного ВИА, в котором Александр играл не последнюю скрипку, то бишь гитару. Потом заметки в газетах. Далее переход из ИТР в журналистику. Путь от многотиражки до «Правды Севера», публицистика, первые публикации в журналах, параллельно – проза (ради неё – рывок на передний край, в заполярную нефтеразведку). А потом телевидение (глаза в глаза с собеседником и зрителем), а ещё драматургия... Словом, к 40 годам Александр Лысков вырос в матёрого профессионального литератора, которому подвластны абсолютно все жанры.

А дальше – Москва. В столицу провинциального мужика забросила житейская и творческая неудовлетворённость. *«Его толкали – учили окриками, дрессировали его растерянную душу, как в клинической смерти бьют ударами тока, чтобы завести сердце»* – это ведь не только и даже не столько о своём персонаже. Другой бы в столичном бедламе, этом вселенском «склифе» пропал, тем более что шли самые переломные годы, а не пропал – так навек сломался бы, превратившись в «литературного раба» или влипнув в печатный гламур. А он нет – не сломался и не влип. Совесть гражданина и патриота, а прежде того праведное родительское благословение вывели его на стезю справедливости, и он выбрал для своего пера оппозиционно-антибуржуазную газету «Завтра», в которой трудится 17 лет.

В чём сила, крепость духа моего земляка и ровесника Александра Лыскова? Убеждён – в корнях, в прочности вольной родовы. А символом этой основательности служит дом, стоящий в деревне Синцовской Шенкурского района. Изба эта Александру досталась в наследство. Она построена из леса, жалованного государем его деду, участнику русско-японской войны. Здесь родился отец Александра. Здесь родился сам Александр. А на исходе XX века у Александра Павловича и Ольги Григорьевны, его жены, здесь явился на свет Божий младший Лысков – Паша. Сцена рождения наследника, запечатлённая в повести «Вольная птица», потрясает какой-то первобытной чистотой и мощью. ...И босые стопы на пупырчатом снегу возле иордани. И окунание матери с не родившимся ещё дитём в ледяную купель. И ледоход как прелюдия рождения новой жизни. А затем и само дитя, выплывающее в рубленный батькой ковчежец. Перечитываю эту сцену – и дух захватывает. Какую истовость, какую веру надо иметь, чтобы отважиться выводить нового человека в земной космос, как это делали пращуры – без акушерок и повитух, а уповая на свои силы, житейскую мудрость да милость Божью!

Сын уже взрослый. Если Александр перенял от своего отца словесное начало, то Павел от своего – музыкальное. Он пишет песни, выигрывает конкурсы, живёт музыкой и в музыке.

Героя своей повести «Вольная птица» Александр Лысков наделяет третьей молодостью. Какая молодость идёт у автора сегодня, не знаю. Но в последние полтора десятилетия случился подлинный прорыв в его творчестве.

В №4 журнала «Двина» за 2011 год – юбилейном, что знаменательно, Ломоносовском выпуске – началась публикация нового произведения Александра Лыскова «Лёд, или Красный закат в конце июня». Автор замыслил развернуть панораму жизни четырнадцати поколений русских людей – своих пращуров, пятьсот лет назад пришедших в верховья Северной Двины на поселение. Труд титанический – не каждый, задумав подобное, ринется в неизвестность. Однако Александр не убоялся. С отвагой, достойной пращуров-первопроходцев, он создавал главу за главой, словно рубил просеку в неведомое. При этом, помимо художественных картин – зримого видеоряда, – широко использовал историческую документалистику, которая органично вписывалась в строй прозы, расширяя чувственно-зримую панораму произведения. Работа над романом-реконструкцией, как мы с автором уточнили жанр, продолжалась три года и столько же времени – его публикация. В истории новейшего журнализма это был редчайший, если не единственный случай, когда создаваемое произведение шло прямо в печать. Автор блестяще справился с таким алгоритмом. А редакция журнала обрела уникальный издательский опыт.

Роман «Красный закат в конце июня» получил заслуженное признание читателей и критиков. Он издавался книгой (дизайн обложки выполнил, кстати, сын автора – Павел Лысков) и переиздавался. А автор на этой творческой волне создал и издал ещё несколько книг, которые нашли живой отклик читателей.

Александру Павловичу Лыскову – 75 лет.

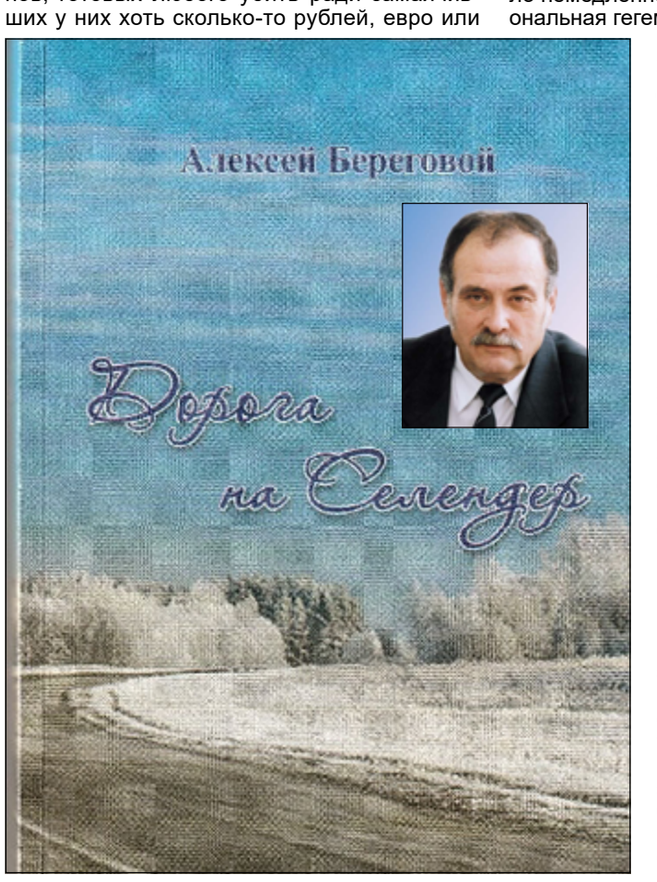
Крепости духа, Саша, здоровья и творческой неизбывности!

Николай ПЕРЕЯСЛОВ Главная суть

О романе Алексея Берегового «Дорога на Селендер»

В ростовском книжном издательстве «Донской писатель» вышел в свет, как говорит о том сам автор Алексей Береговой, «не совсем научный, но вполне исторический, реально-фантастический и приключенческо-детективный роман» под названием «Дорога на Селендер», в котором читатель может познакомиться с одним, отчасти весьма невезучим героем, вынужденным нестись по земле, убегая от навалившихся на него целой кучей проблем и неприятностей. Нечто подобное мы уже могли несколько раньше видеть в романе известного писателя Александра Сегеня «Русский ураган», по страницам которого персонаж, изгнанный из дома собственной женой, несётся в этом буйном урагане по всей стране, что даёт автору возможность в полном объёме показать нам жизнь точно так же, как когда-то Николай Васильевич Гоголь показывал в своей знаменитой поэме «Мёртвые души» Россию XIX века на примере путешествия Павла Ивановича Чичикова. Примерно такой же сюжет положен не менее известным прозаиком Юрием Поляковым в основу его романа «Замыслил я побег», судьба главного героя которого – Олега Башмакова – выведена на фоне времён застоя в СССР, а также августовского переворота, баррикад возле Белого Дома, рыночного челночества, анекдотов советской поры и нищеты постперестроечной России 1990-х годов, что гармонично сведено автором в одну трагикомическую симфонию.

Вот примерно к такой же схеме обращается в своём романе «Дорога на Селендер» и современный ростовский писатель Алексей Береговой, отпускающий своего незадачливого героя – то ли Олега, то ли Сергея – нестись по клокочущим волнам мира, убегая от наглых чиновников, способных любого превратить в нищего, и «крутых» бизнесменов, готовых любого убить ради замаячивших у них хоть сколько-то рублей, евро или долларов. В основании романа Берегового лежит не столько индивидуальная судьба его литературного героя, сколько жизнь всего нашего государства, начавшего в те годы стремительно скатываться к образу корыстного, жадного и бесчеловечного чиновничьего государства.



Объясняя Олегу-Сергею причину его недавнего банкротства, встреченный на территории современного Казахстана его же однажды обобравший до копейки полуказах, полурусский Алтынбек так разъясняет его сегодняшнюю проблему: «Ты не понял, что живёшь уже не в советском тоталитарном режиме, где всё нельзя, а в свободной, демократической и рыночной стране, где всё можно, даже если запрещено законом. Что в этой стране справедливость у того, у кого много денег, что главная цель граждан этой новой страны: «Деньги ради власти, а власть ради денег», а главный девиз: «Деньги любой ценой». И в этом ряду находятся все, кто хочет быть наверху: и чиновники, и прокуроры, и менты, и депутаты, и банкиры, и паханы. Всё делится между ними. А кто из этой делёжки выпадает, тот должен либо исчезнуть с лица земли, либо идти в услужение к тем, кто удержался наверху. Неудачники и неспособные драться этой стране не нужны».

С не менее глубоким анализом развивал свои мысли по поводу крушения Советского Союза случайный водитель такси Андрей Петрович, вёзший Олега-Сергея по пути из Уральска в Гурьев-Атырау. Чтобы не молчать и, тем более, не уснуть за долгую дорогу, он всё время говорит. Вот образчик его размышлений: «Всё перепуталось… Вот я, например, русский с казачьими корнями, родился в Уральске, то есть в своей родной стране – Советском Союзе, а теперь, на старости лет, по чьей-то прихоти оказался в чужой стране, да ещё стал представителем нетитульной нации – как бы пришлым человеком и потому второго сорта. Куда ни ткнись – всё во вторую очередь, везде впереди только казахи… А почему? А потому что большевики во главе с Лениным придумали национальность «казах», а в 1925 году реализовали эту придумку, щедрой рукой отчертив на карте в пользу новых братьев огромный кусок русской земли, и назвали его Казахской Советской Социалистической Республикой. Необольшевики во главе с Ельциным ещё более щедрой рукой отвалили эти земли вместе с исконно жившими здесь русскими, украинцами, белорусами, немцами, армянами и евреями теперь уже другому государству. И всё русское здесь стало немедленно уничтожаться, началась национальная гегемония…».

Олег-Сергей и сам успел нахлебаться этой то ли мировой демократии, то ли расцветающей повсюду гегемонии, от которых ему пришлось убегать сначала из России в Казахстан, а потом в Турцию, Италию, Грецию, Францию, Германию – и только таким невероятно длинным путём возвратиться, спустя долгое время, опять в свою родную, но, похоже, ничуть не беспокоившуюся о его злополучной судьбе Россию.

Ещё за время своего нахождения в родном Отечестве, Олег-Сергей успел сначала быстро разбогатеть, а потом так же быстро обанкротиться, оказаться в каталажке, из которой ему вскоре удалось бежать за границу, пожить в нескольких странах и, в конце концов, сесть на самолёт, возвращающий его на Родину. Как ни странно, но при всех выпавших Олегу-Сергею мытарствах за границей ему за пределами России жилось, скажем честно, совсем неплохо. Без особых трудов ему удавалось всюду постоянно встречать хороших земляков, зарабатывать с ними более-менее неплохие деньги, позволявшие ему не только сытно есть, но ещё и пить хорошее заграничное вино. Ну и, что немаловажно, повсюду ему дарили свою любовь красивые женщины – и в Казахстане, и во Франции…

Но… он возвращается в Россию.

Роман Алексея Берегового читается с захватывающим интересом, раскрывая перед читателями то счастливую, то горькую сторону жизни героя романа «Дорога на Селендер». Но ещё с гораздо большим интересом открывается в романе Берегового сама жизнь русских людей, оказывающихся в наше время за границей, их способность сохранять в себе при любых самых непростых условиях русскую душу. И это, на мой взгляд, является едва ли не главной линией этого весьма увлекательного, яркого и в то же время глубокого романа, фон которого как-то незаметно становится его главной сутью. И этим главным является – в любых условиях остаться русским.

хотворение моего земляка, минчанина Виктора Тростянского (1924-2008) из первого тома антологии, перекликающееся со стихами Бориса Лукина о нынешних подвигах мальчишек-героев во время Специальной военной операции по искоренению неонацизма на Украине *(«Посвящение в командиры»)*:

Убило командира.
Лежит он недвижим.
А мы совсем мальчишки,
Чуть что – и побежим.
Ребята молодые
Подстрижены «под ноль».
Ещё не осознали
Свою большую роль.
От роты не осталось
И половины нас.
Нам нужен командирский,
Стальной, как штык, приказ.
Засыпало окопы,
И разнесло блиндаж...
В кармане я нащупал
Чернильный карандаш.
Я сбросил гимнастёрку,
На грифель поплевал,
На выцветшей петлице
Кубарь нарисовал.
Тверда солдата вера,
Попробуй-ка, согни!
Петлицы офицера
Увидели они.
Значенья не имело –
Будь я или любой.
Атаку мы отбили
И выдержали бой…
Да, было, брат, такое...
Петлицы теребя,
Я тотчас после боя
Разжаловал себя.

«Война и Мир» – так назывался великий роман Льва Толстого, перевернувший сознание всего человечества, так называется и многотомная антология, с которой будущим поколениям в России будет легче жить и созидать.

г. Минск

Степан РАТНИКОВ Куда душе угодно

«Мольбертовый лес» Дмитрия Лагутина

Сборник рассказов, наполненных необычайной душевной теплотой, я приметил на столичном книжном фестивале «Красная площадь». С автором книги мы познакомились буквально за два дня до этого – на совещании молодых литераторов в Химках. А потому пройти мимо «Мольбертового леса», не приобретя его, было бы непросто. Несколькими минутами позже выяснилось, что Дмитрий Лагутин и сам ещё не видел 256-страничное издание, которое стало для автора дебютным, если не считать разовую пробу самиздата. В итоге я получил оригинальный автограф, а мой коллега по перу – несколько экземпляров собственной книги для друзей и родственников.

К выбору названия прозаик из Брянска подошёл нетривиально. В его рассказах хоть и встречаются как леса, так и мольберты, но связь всё-таки следует искать между природой и творческой натурой человека. Автор щедро расставляет мольберты у каждой условной опушки (окраины, чердака и т.д.), детально описывая увиденное, будь то даже солнечное затмение, как в «Кольцах и флагах», тогда как сюжетная составляющая успевает где-то затеряться, а это уже, прямо скажем, на любителя. Впрочем, сам Лагутин открыто заявляет, что его проза бессюжетна. Как бы то ни было, совсем ни на грамм меня не впечатлил только рассказ «Саша» – наискучнейший и откровенно лишний по всем параметрам. Остальное – в диапазоне от «неплохо» до «прекрасно».

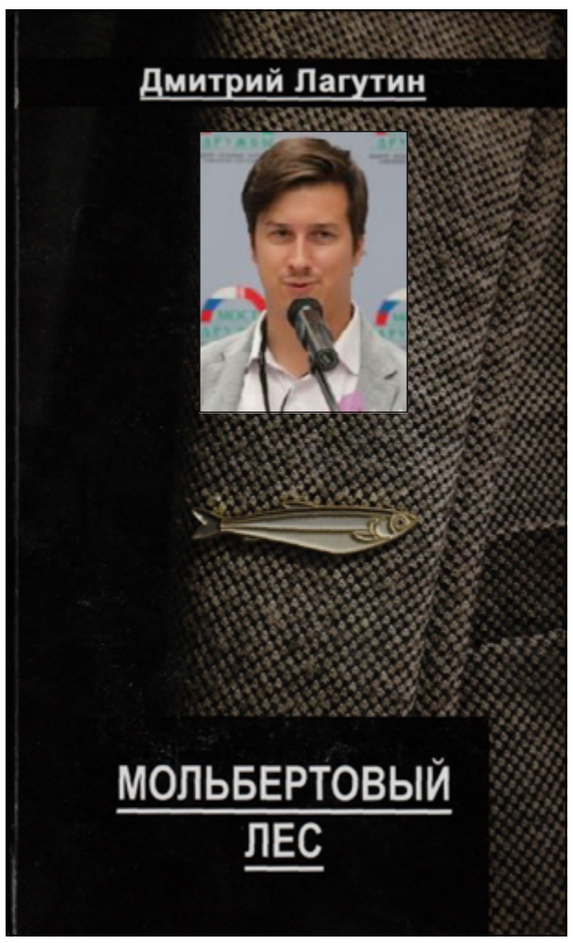
Персонажи «Мольбертового леса» и сами нередко рисуют. Как в прямом, так и в переносном смысле слова. Достаточно упомянуть рассказ «Деда», где прадед создаёт нарисованного котика для своей правнучки, и сказку «Бильярд», в которой два дружка вырисовывают на игровом столе свояки и прочие красивости.

Ведущая тема всего сборника – детство, воспоминания о нём. А главными героями рассказов чаще всего становятся братья или друзья. Так, «Моя Япония» – самый первый рассказ в книге и едва ли не лучший, хотя сам я начал не с него. Он о том, как хорошо иметь брата, а также как начать всё понимать и разбираться в людях. Там многое о кодексе самурая, под впечатлением от которого главный герой даже в секцию айкидо записывается. Есть место и нескольким легендам, придуманным для разных целей.

Приятным воспоминаниям о детстве, о жизни в собственном доме, который бабушка категорически отказалась променять на квартиру, посвящён рассказ «Апельсин». Дерево предстаёт полноправным членом семьи и хронологически связующей нитью. Мог быть в книге и свой «Лимон», но рассказ о жёлтом цитрусовом, точнее – о прихворнувшем стихотворце, ненадолго оставившем жену ради поездки на совещание литераторов, где не только пытается творчески просвещаться, с трудом скрывая кислую мину, но и пассивно лечиться, получил банальное название – «Про одного поэта». Причём концовка там не просто открытая, а издевательски оборванная, что характерно для многих, пускай и не всех, произведений Дмитрия Лагутина.

«История с пегасом» – о сколь наивных, столь и светлых детских мечтах, об усердии, которое имеет свойство улетучиваться ввиду форс-мажоров. Как, например, из-за камушка, ставшего причиной взрыва глиняного пегаса в печи. Автор наглядно дал понять, что дети взрослеют, и некогда значимые для них вещи становятся ненужными и даже глупыми.

У подростков уже несколько иные проблемы. И рассказ «Радио» – как раз о любви и подлости. О том, что девчонки вечно выбирают не тех, тогда как якобы подходящие им мальчишки просто-напросто не могут о себе хоть как-то заявить. Кстати, рассказчик-школьник борется с болезнью, лёжа в кровати и слушая песни с культурно-просветительских программ. Автору удалось так умело и – к слову о мольбертах – живописно передать атмосферу различных радиостанций, что на душе становится тепло: тоже хочется завалиться в постель, напялить наушники и погрузиться в мир прекрасного.



В этом смысле запомнилось предложение из рассказа «В поле»: «Играла тихая ненавязчивая музыка, которая нравится, пока её слушаешь, но которую невозможно вспомнить, если она замолкла». Произведения Лагутина воздушны и незамысловаты. Читаешь их быстро и уж точно не без удовольствия. Однако та самая бессюжетность, вероятно, не позволяет запомнить ни персонажей, ни – тем более – множество подмеченных Дмитрием деталей. Читатель будто шагает в ногу с автором и смотрит на мир его глазами, замечая многое из того, чего сам никогда бы не заметил во время одиночной прогулки. Правда, от всего увиденного хочется лишь ностальгировать, поднимая из недр памяти что-то своё, мило улыбаться, реже – беззлобно хихикать или же тихонько и печально вздыхать. При этом сам автор отлично помнит собственное детство, а значит – та музыка в его душу запала глубоко и надолго.

Напоследок добавлю, что авторский стиль почти не приемлет сравнений, причастий и деепричастий. Дмитрий Лагутин делает ставку на перечисления, однородные члены предложения. Это как раз и облегчает процесс восприятия, делая лес на мольберте более наглядным. Точно никто не заблудится, как бы порой этого ни хотелось. А если даже и найдутся уникумы, то концовки всегда открыты: выходи на свободу и топай куда душе угодно.